

Елена Парина, РГГУ

Рефлексы и.-е. местоимения *s ~~e~~ в бриттских языках.

0. Книга П. Схрейвера "Studies in the History of Celtic Pronouns and Particles" [Schrijver 1997] включает главу, посвященную отражению и.-е. рефлексивного местоимения *s ~~e~~ в кельтских языках. В ней автор выдвигает ряд новых этимологий, предполагающих происхождение некоторых местоимений от клитических комплексов, содержащих *s ~~e~~. Основная часть этой главы посвящена др.-ирл. рефлексивным местоимениям типа *féin, fadéin*, однако в ней высказывается и две интересные гипотезы относительно нескольких местоимений бриттских языков (валлийских, корнских и бретонских рефлексивных местоимений и так называемых сопряженных личных местоимений в валлийском языке). Цель настоящей работы – оценить эти гипотезы с точки зрения типологической вероятности, применив семантические критерии.

1. Сначала опишем рефлексивные местоимения в бриттских языках, поскольку они обладают рядом интересных свойств, которые важно учитывать при их этимологизации. Валлийская конструкция, называемая в грамматиках "рефлексивным местоимением", состоит из специальных форм посессивных местоимений, за которыми следует *hun* в единственном и множественном числе, или *hunap* в ед. ч., и *hunein* во мн. ч. В средневаллийском языке в 1Sg-Pl существует также вариант с личными местоимениями вместо посессивных. Эта конструкция может маркировать кореферентность агенса и пациенса:

na	chapla	dy	hun	[GPC 1911]
не	винить-	2Sg Poss		
	2Sg Imp			
	<i>не вини себя</i>			

Также она может оформлять кореферентность агенсу посессора или бенефактива, выраженного предложной группой. Подобное оформление факультативно, в данных случаях возможно и употребление личных местоимений. Более того, подробное изучение текста *Pedeir Keinc y Mabinogi* (далее РКМ) показало, что рефлексивные контексты составляют всего лишь четверть от всех употреблений данной конструкции. Чаще всего эти конструкции употребляются в качестве интенсификаторов, то есть маркеров,

характеризующих "референта именной составляющей как в некотором отношении выделенного и важного" [König 1997:2, цит. по Лютикова 2002: 18]. Заметим, что во многих языках одни и те же единицы выполняют как роль интенсификаторов, так и роль рефлексивов, ср. английские *I washed myself* 'я помылся', *I came to myself* 'я пришел в себя' vs. *I myself said so* 'я сам так говорил'. В большинстве контекстов в РКМ *fy hun* выражает значения, присущие интенсификаторам в языках мира (самостоятельное, добавляющее, контрастивное, неожиданное, дискурсивное)¹. Вот пример на контрастивное значение:

Neur	diffetheeist	du	hun	dy	^L uab,	ac	na	hawl
утв.	2Sg Prt	2Sg Poss	2Sg Poss	сын	и	отр.	требовать	
част.	уничтожить						2Sg Imp	
ef	ynni.	(PKM 20.28-29)						
он	к-1Pl							

Ты сама уничтожила своего сына, и не требуй его у нас.

Однако существует также ряд предложений, где эта конструкция имеет значение 'один'.

К: И услышав, что ты поселился в этой стране, моя дружина пришла ко мне и попросила меня превратить их в мышей, чтобы уничтожить твое зерно

ac	y	doethant	y	nos	^L gyntaf	uyn	^N teulu	e	hunein.
и	част.	3Pl Prt	арт.	ночь	первый	1Sg	дружина	3Pl	Pl
		приходить		f		Poss		Poss	

И в первую ночь моя дружина пришла одна. (PKM 64.11-14)

Этот предложение становится понятным далее: на третью ночь вместе с дружиной в виде мышей на поля решила отправиться и жена говорящего со своими придворными дамами.

Аналогична семантика родственных конструкций и в других бриттских языках.

В рефлексивных контекстах они употребляются при эмфазе, но чаще они встречаются в функции интенсификаторов, также им свойственно и значение 'один'.

¹ Семантика интенсификаторов подробно рассмотрена в рамках когнитивной модели языковой деятельности в работах [Кибрик 1996] и [Лютикова 2002].

Очевидно, что валлийская, корнская и бретонская конструкции родственны. Г. Льюис и Х. Педерсен, и вслед за ними авторы словаря GPC, возводят валл. *hun / hunan*, корн. *honon*, брет. *(h)unan* к числительному *un* 'один'. В валл. отсутствует вариант числительного **unan*, но в корнском присутствуют наряду с *un* самостоятельные формы *onan*, *open*, *onon*, в бретонском *un*, самостоятельные формы *unan*, *onan* [ЛП 160, GPC 1911-2]. Дж. Моррис Джоунз указывает на возможность употребления *hun*-конструкции в значении 'один' и тем самым обосновывает семантику сближения числительного и *hun / hunan* [WG 307]. Начальное *h*- объясняется в литературе по-разному. Г. Льюис и Х. Педерсен, и вслед за ними авторы GPC, считают начальное *h*- неэтимологическим. В обоих трудах приводится ссылка на похожий случай вал. *herwydd* в *oherwydd*, *yn herwydd* "потому что", корн. *yn the herwyth* "с тобой", *herwyth* "согласно", брет. *hervez* [ЛП 160], которое авторы словаря возводят к кельт. **ari-~~h~~d-* от и.-е. корня **~~h~~e)id*. В обоих случаях мы имеем почти последовательное появление *h*- по всем бриттским языкам, не объясняемое этимологиями.

Дж. Моррис Джоунз считает, что начальное *h*- перед *u* может восходить к **s-* или **s~~h~~*, таким образом, он связывает эту конструкцию с и.-е. рефлексивным местоимением, и постулирует *hun* < **s~~h~~oinom* < **s~~h~~e oinom*. Однако это предположение связано с рядом проблем. Во-первых, начальное **s~~h~~* дает вал. [x~~h~~] *chw-* [ЛП 44, WG 29], а в рассматриваемом слове нет ни одного случая написания, заставляющего предположить глухой огубленный спирант. Эта проблема может быть разрешена, в и.-е. парадигме рефлексивного местоимения существуют и неогубленные варианты (подробно о и.-е. рефлексивном местоимении см. [Schmidt 1978]). Во-вторых, плохо объясняется вокализм слова. В бриттских языках происходит редукция гласных в проклитике [ЛП 111], но полное и бесследное исчезновение гласной все-таки представляется странным.

Альтернативную гипотезу предлагает П. Схрейвер, возводящий *hun* к и.-е. рефлексивному прилагательному **s(~~h~~oi-no-*, и сравнивающий его с ст.-сл. СВОИ, скр. *svayám* 'само', гот. *seins* 'его' [Schrijver 1997: 83]. Важно подчеркнуть, что реконструкция *hun* как прилагательного объясняет его сочетаемость с посессивными местоимениями (в таком случае валлийские примеры с личными местоимениями следует считать инновацией).

Форма *hun*, по мнению П. Схрейвера, могла вторично сблизиться со словом *in* 'один', что привело к созданию варианта *hunan* на основе числительного. Заметим, что предполагаемую контаминацию нужно возводить к общебриттскому уровню, поскольку в валлийском вариант **unan* отсутствует. Она объясняет наличие значения 'один' у рассматриваемой конструкции во всех бриттских языках. Представляется, что возможно предполагать для бриттского числительного **ino-* интенсификаторные употребления (ср. аналогичное развитие в славянских языках, где во многих языках у рефлексов основы **samo-* наблюдаются и значение 'один', и интенсификаторные значения, например, болг. *сам* 'сам, одинокий', чеш. *сам* 'сам, один' и т.д.). В языках мира наблюдается следующая схема развития рефлексивных маркеров [Лютикова 2002: 210-211]: сочетания рефлексивов и интенсификаторов обычно появляются для обозначения кореферентности в эмфатическом контексте, позднее они могут употребляться в неэмфатическом контексте и, наконец, по аналогии со старым интенсификатором начинают использоваться как интенсификаторы. Предполагаемая П. Схрейвером контаминация и вызывает интенсификаторные употребления старого рефлексива. Данное развитие является типологически ожидаемым, хотя и нетривиальным (в список источников интенсификаторов, рассматриваемых в [Лютикова 2002: 162] стоит внести числительное 'один', также интересно происхождение рефлексива-интенсификатора, употребляющегося как в атрибутивных, так и в неатрибутивных контекстах от рефлексивного прилагательного).

2. П. Схрейвер также считает, что и.-е. **s* ~~→~~ в бриттских языках отражено также в валлийских сопряженных местоимениях. Этимология этого особого класса личных местоимений, существующего только в валл. языке, давно является предметом спора исследователей. Свои предположения высказывали такие выдающиеся кельтологи как Х. Педерсен [VGK II, 161], Дж. Моррис Джоунз (WG 274), П.-И. Ламбер [Lambert 1984: 186]. В 1982 году появилась статья П. Рассела "The Origin of the Welsh Conjunctive Pronouns" [Russell 1982], где подробно разбирались первые две гипотезы. И, наконец, в 1997 году в обсуждаемой нами книге П. Схрейвер сделал последнее, насколько нам известно, предположение о происхождении этих местоимений, рассмотрев все предшествовавшие теории. Возражения, выдвинутые П. Расселом и П. Схрейвером против первых трех упомянутых нами гипотез, были столь

существенны, что на настоящем этапе нам представляется возможным рассмотреть взгляды только этих двух авторов на проблему происхождения этих местоимений.

П. Схрейвер считает, что валлийские сопряженные местоимения происходят от сложных комплексов, включающих личное местоимение, частицу **de* и рефлексивное местоимение. Так, валл. *ynteu* он реконструирует следующим образом: **en de s -e > *indehu -e > *indhu -L*(апокопа, синкопа) *> *intu -L* > ср.-валл. *ynteu*, и сравнивает его с ср.-корн. *-ense* (эта параллель была предложена еще Х. Педерсеном). Из тех же элементов, но в другом порядке состоят, по его мнению, др.-ирл. рефлексивные местоимения, например **fadesin*, все многообразие форм которых [см. GOI 306-7] он сводит к следующей схематической праформе:

рефлексивное местоимение **s -e + (частица *de* +)* (личное местоимение +) – *sin* [Schrijver 1997: 74].

Теория П. Рассела, с которой полемизирует П. Схрейвер, состоит в том, что валл. сопряженные местоимения являются собственно валлийским новообразованием, и объяснение для них следует искать внутри валлийского языка. Всего в валлийском языке в позиции подлежащего перед глаголом могут использоваться личные местоимения трех классов (в скобках мы приводим формы 1Sg в ср.-валл. орфографии): простые (*mi*), удвоенные (*miui*) и сопряженные (*minheu*). Местоимения, которые могут занимать позицию подлежащего перед глаголом и ряд других синтаксических позиций, называются независимыми. При этом существуют также местоимения, которые выражают (скорее факультативно) подлежащее после финитного глагола, личного окончания предлога, а также дублируют объектные и посессивные местоимения, стоящие в препозиции к имени. Эти местоимения называются зависимыми суффицированными [Калыгин, Королев: 215], в англоязычной литературе – "dependent affixed pronouns" [GMW 53]. Зависимые местоимения могут нести или не нести ударение. Ими бывают местоимения только двух классов: простые и сопряженные, удвоенные в этой позиции не выступают. Отметим, что различия между зависимыми суффицированными и независимыми местоимениями существуют только в 1-2Sg, в остальных случаях их формы совпадают.

П. Рассел выдвигает предположение, что сопряженные местоимения были созданы на основе редуцированных удвоенных местоимений в безударной позиции. Исходной формой для образования парадигмы сопряженных местоимений он считает форму 3Pl. Удвоенное местоимение *wyntwy* в безударной позиции, по мнению Рассела, должно было дать **u~~i~~ntou*. От нее по аналогии были образованы другие формы.

П. Схрейвер указывает ряд проблем с точки зрения исторической фонетики в гипотезе П. Рассела [Schrijver 1997: 85-87]. Однако, как нам представляется, в формировании парадигм личных местоимений в британских языках настолько силен фактор аналогии, что большую часть фонетических проблем можно устранить этим объяснением. Заметим, что и самому П. Схрейверу приходится прибегать к этому фактору для объяснения нескольких форм в его реконструкции. Таким образом, обе гипотезы являются достаточно правдоподобными с точки зрения фонетики, чтобы рассмотреть их с позиций семантики и попытаться с помощью семантических критериев выбрать из них лучшую.

Первое различие между двумя теориями заключается в следующем. П. Схрейвер видит в сопряженных местоимениях особый семантический компонент 'контраст'. В то же время П. Рассел вообще не пишет о семантике, тем самым объявляя смысловые различия между удвоенными и сопряженными местоимениями несущественными. Первым, кто написал о контрастивном значении сопряженных местоимений, был Дж. Моррис Джоунз: "sometimes the added meaning is so subtle as to be untranslatable: *chwi a minnau* 'you and I', but as a rule *minnau* signifies 'I too', 'even I', 'I for my part', 'but I', 'while I' etc" [WG 273]. При этом он вообще ничего не пишет о семантике редуцированных форм. Материал ср.-валл. языка не дает оснований противопоставлять удвоенные и сопряженные местоимения по признаку 'контраст'. Сопряженные местоимения действительно могут выражать контраст:

К: "Да, - сказала она, - отнесите ему мерку с моей ноги и попросите сапожника сделать мне башмаки".

Ynteu a lunywys y^g esgidyeu, ac nit wrth y messur, namyn yn ^Luwu.
Он част. 1Sg Prt арт. Pl и отр. по арт. мерка а част. больше
изготавливать башмаки

Он же изготовил башмаки, но не по мерке, а больше.

С другой стороны, есть контексты, где контраст выражается удвоенным местоимением. Например,

К: Гваул потребует у тебя пир... Но это не в твоей власти.

A mi ui a godaf y ^Lwled y'r teulu a'r niueroed
А я част. 1Sg Prs арт. пир к+арт. дружина и+арт. свита -Pl
дать

Я же дам пир дружине и свите. (PKM 14.26)

Рассмотрение ср.-валл. материала показывает, что различия между удвоенными и сопряженными местоимениями скорее лежат в области синтаксиса: легшая в основу гипотезы Рассела закономерность действительно выполняется очень жестко (во всем тексте РКМ нет ни одного употребления удвоенного местоимения в зависимой позиции). Как нам кажется, семантическое расхождение здесь вторично, и, таким образом, с точки зрения семантики лучше предполагать для них общее происхождение.

Другим аргументом в пользу такого решения является типологическая неправдоподобность реконструкции П. Схрейвера. Сам он обосновывает семантику этой конструкции так: "Typologically, the connection of an 'ipse' type pronoun with contrastive semantics is commonplace: cf. French *même*, German *selbst* 'even', *moi-même*, *ich selbst* 'I myself'" [Schriver 1997: 88-89]. Нам кажется, что здесь автор под воздействием английского языка путает понятия. Как мы уже говорили, английское *himself* функционирует и как рефлексив, и как интенсификатор. Вероятно, называя *ynteu* "'ipse' type pronoun", Схрейвер имеет в виду его этимологическую связь с рефлексивом. Однако латинское *ipse*, называемое И.М. Тронским «определятельным местоимением» [Тронский 2001:212] функционирует не как рефлексив, а как интенсификатор (см. примеры

в [Лютикова 188-189]). В контексте рефлексива оно встречается при эмфатическом, противопоставительном выделении:

De aliis honorifice, de se ipso modifice.

О других (следует говорить) с почтением, о себе самом – соблюдая меру.

Следовательно, сопоставление с латинским материалом проведено здесь неудачно. Попробуем перевести дословно реконструируемый комплекс **en de s ɛ*. Мы получим что-то вроде 'он же себя' (П. Схрейвер утверждает, что старый номинатив 3Sgm в бриттских был утерян и заменен аккузативом [Schrijver 1997:89]). Широко известны сочетания личных местоимений с интенсификаторами (ср. ср.-англ. *him self* 'его самого', рус. *он сам, его самого*), понятно сочетание с личного местоимения или рефлексивного местоимения с контрастивной частицей, но реконструкция комплекса клитик, где в одной семантической роли употребляются два местоимения, обычно находящиеся в дополнительном распределении (ср. правила связывания анафоров и прономиналов в генеративной грамматике) представляется не слишком правдоподобной.

3. Таким образом, мы рассмотрели две гипотезы П. Схрейвера относительно рефлексов и.-е. **s ɛ* в бриттских языках. Этимология валл. *hun / hunan*, корн. *honan*, ср.-брет. *hunan*, связывающая их с и.-е. **s ɛino-*, кажется наиболее вероятной из предложенных, как с точки зрения фонетики, так и с точки зрения грамматической семантики. Более того, не противореча данным типологии, она позволяет дополнить представления о возможных путях развития рефлексивов. Контаминация с словом с интенсификаторной семантикой делает возможным употребление конструкции, содержащей старый рефлексив, в интенсификаторных контекстах. Этимология, предложенная П. Схрейвером для валл. сопряженных местоимений, напротив, проигрывает этимологии П. Рассела, так как, во-первых, является не совсем правдоподобной с точки зрения универсалий развития рефлексивов, а, во-вторых, не объясняет интересный наблюдаемый факт асимметрии употреблений удвоенных и сопряженных местоимений.

Так данные бриттской этимологии позволяют дополнить картину, составленную типологами на основании других языков. С другой стороны, типологические наблюдения позволяют верифицировать результаты бриттской реконструкции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЛП – *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- GMW – *Evans D.S.* A Grammar of Middle Welsh. Dublin, 1964.
- GOI – *Thurneysen R.* A Grammar of Old Irish. Dublin, 1993.
- GPC – *Geiriadur Prifysgol Cymru.* Cardiff, 1957–1998.
- PKM – *Williams, I. (ed.) Pedeir Keinc y Mabinogi.* Caerdydd, 1930.
- VGK – *Pedersen H.* Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Göttingen, 1909-1913.
- WG – *Morris–Jones J.* A Welsh Grammar. Oxford, 1913
- Lambert 1984 – *Lambert P.-Y.* Les commentaires celtiques à Bède le Vénérable (suite) // *Études celtiques* 21. P. 185-206.
- Russel 1982 – *Russel P.* The Origin of the Welsh Conjunctive Pronouns. // *BBSC* 30 (1982). P. 30-38.
- Schmidt 1978 – *Schmidt G.* Stammbildung und Flexion der indogermanischen Personalpronomina. Wiesbaden, 1978.
- Schrijver 1997 – *Schrijver P.* Studies in the History of Celtic Pronouns and Particles. Maynooth, 1997.
- Калыгин, Королев 1989 – *Калыгин В.П., Королев А.А.* Введение в кельтскую филологию. М., 1989.
- Кибрик 1996 – *Кибрик А.Е.* Связанное употребление лексемы САМ в русском языке // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А.А. Зализняка.* М., 1996. Стр. 494-509.
- Лютикова 2002 – *Лютикова Е. А.* Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. Москва, 2002.
- Тронский 2001 – *Тронский И.М.* Историческая грамматика латинского языка. М., 2001.